

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

Т.Н. Джаксон

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В «САГЕ О ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ ПРАВИТЕЛЕ»

В статье анализируется «Сага о Харальде Суровом Правителе» с точки зрения ее связи с устной традицией. В соответствии с выделяемыми Г.В. Глазыриной в ее работах формальными показателями наличия в той или иной саге следов устной традиции, здесь рассматривается использование формул-референций типа «svá er sagð» и большое число ссылок на стихи скальдов-дружинников конунга Харальда и на устных информантов. В числе информантов называются Халльдор Сноррасон, дружинник конунга, который был с ним все то время, пока тот находился за пределами страны, а потом рассказывал сагу о Харальде на тинге в Исландии; Торгильс Сноррасон, священник в Скарди на западе Исландии (ум. в 1201 г.); Гудрид, дочь Гутхорма, сына Стейгар-Торира, того бонда, который первым назвал Харальда конунгом в Норвегии (ум. в 1095 г.). В числе информантов в «Гнилой коже» не последнее место занимает и сам конунг Харальд: в тексте обнаруживаются четыре ссылки на него как на источник информации. Можно думать, что пусть не в Исландию, но уж на скандинавский Север, сагу о своих поездках за море принес сам конунг. Традиция о Харальде, как видно из материала саг, расцвела более пышно, чем о других правителях, и, скорее всего, Харальд приложил к этому руку. Он мог быть главным покровителем своей собственной легенды и мог подпитывать информацией всё повествование. В статье формулируются причины, по которым в Исландии существовала богатая традиция о норвежском конунге, почему ему так много внимания уделяли исландские скальды, и отчасти раскрывается механизм передачи в Исландию устной традиции, связанной с норвежским королевским домом.

Ключевые слова: устная традиция, исландские саги, Харальд Суровый Правитель.

...íslenzkir menn, þeir er þessi tíðendi sá eða heyrðu,
báru hígat til lands þessar frásagnir,
ok hafa menn síðan at þeim numit.

[...исландцы, те что эти новости видели или слышали,
принесли сюда в страну эти рассказы,
а люди затем от них это переняли].

*(Снорри Стурлусон. Из Предисловия
к Отдельной саге об Олаве Святом).*

Рубеж XX и XXI веков ознаменовался в саговедении всплеском повышенного внимания к проблеме существования устных саг

либо устных источников саг письменных. Работы Херманна Палссона (Hermann Pálsson 1999), Т. Даниэльссона (Danielsson 2002), Гисли Сигурдссона (Gísli Sigurðsson 2002, 2004, 2005), Т.М. Андерссона (Andersson 2004, 2006, 2008, 2012), Э. Мундал (Mundal 2010) и др. вернули устные саги в центр дискуссии. В нашей скандинавистике никто так много, плодотворно и успешно не занимался этими вопросами, как Галина Васильевна Глазырина. Ее работы (2003а, 2003б, 2005а, 2005б, 2008, 2009, 2010, 2011 и др.) органично вписались в общую волну интереса к этой проблематике в мировом саговедении. В статье, посвященной ее памяти, я хочу, обращаясь к ее работам, содержащим анализ формальных показателей наличия в той или иной саге следов устной традиции, остановиться на саге о Харальде Сигурдарсоне по прозвищу Суровый Правитель, норвежском конунге с 1046 по 1066 г.

Сага сохранилась в различных редакциях: в «Обзоре саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.), где есть отдельные главы о Харальде, и в сводах королевских саг первой трети XIII в. – «Гнилой коже» (Msk)¹, «Красивой коже» (Fask) и «Круге земном» Снорри Стурлусона (Hkr). Т.М. Андерссон обозначает время возникновения этих трех больших компендиумов о норвежских конунгах как 1220–1230 гг., но в то же время он включает Msk и в более раннюю группу королевских саг (Andersson 1985). Действительно, в литературе по сагам уже давно было высказано мнение, что Msk – это оригинальное сочинение (Indrebø 1938–1939), т.е. без *прядей* (вставных коротких повествований) и более поздних интерполяций в сохранившейся редакции она представляет собой самостоятельное произведение, основанное на устной традиции и стихах скальдов. В этом, видимо, и кроется ее, не исследованное в полной мере, отличие от использовавших ее в качестве источника Fask и Hkr.

В Msk явственно ощущается стремление не оставить без внимания, наряду с норвежскими, и исландские проблемы²: не случайно в ней содержится значительное число *прядей* об отношениях исландцев с норвежскими конунгами, особенно с Харальдом Суровым Правителем (см.: Джаксон 2011), который «из всех норвежских конунгов

¹ В Msk (GKS 1009 fol., ок. 1275 г.) имеется «Сага о Магнусе Добром и о Харальде Суровом Правителе»; к ней восходит версия саги по родственным рукописям XIV и XV вв. «Хульда» и «Хроккинскинна» (Hulda-Hrsk); практически тождественная версия содержится на дополнительных листах второй половины XV в. в исландской рукописи конца XIV в. «Книга с Плоского острова» (Flateyjarbók).

² См.: Andersson 1997. P. 5: «общая установка этого свода саг – исландская».

был наиболее дружелюбен по отношению к исландцам» (Msk I. Bls. 205). Об этом развернуто рассказывается в основном тексте (гл. 32) и лаконично сообщается в «Пряди о Халли Челноке» в составе Msk: «Харальд конунг очень любил исландцев. Он послал в Исландию много богатых даров, в том числе отменный колокол для Полей Тинга. А когда в Исландии случился великий неурожай, равного которому никогда не бывало, он отправил туда четыре корабля, груженные мукой, по одному в каждую четверть, и разрешил выехать из страны множеству бедняков» (ИП 2016. С. 385). В Msk рассказывается также о том, что конунга Харальда, «лучшего правителя в мире», перевозили в своих стихах скальды, и он их за это очень высоко ценил: «Большая сага о конунге Харальде содержится в стихах, в тех что были сочинены о нем при его жизни и исполнялись ему теми, кто их сочинил. Конунг Харальд потому был их большим другом, что ему нравилась похвала» (Msk I. Bls. 205). Всё это вместе, безусловно, послужило причиной существования на острове богатой традиции о норвежском конунге.

Остановимся на одной, сохранившейся в Msk и Hulda-Hrsk и многократно препарированной исследователями (Heusler 1941. S. 205; Heinrichs 1975. S. 230; Гуревич 1981. С. 26–31; Meulengracht Sørensen 1993. S. 69; Hermann Pálsson 1999. P. 79–81; Danielsson 2002. S. 385–395; Гуревич 2004. С. 250–253; Глазырина 2005а; Джаксон 2008; Andersson 2008. P. 9–11; Andersson 2012. P. 41–42; Гуревич 2016. С. 867–868), пряди. Название ее – «Frá skemtun Íslendinga» – перевести непросто: глагол *skemta*, от которого образовано существительное *skemtun/skemtun*, имеет значение «развлекать людей на сборищах и пирах рассказами или песнями». В русском переводе М.И. Стеблин-Каменского, который и цитируется ниже, прядь известна под названием «Об исландце-сказителе» (ИП 2016. С. 380–381; др.-исл. текст см.: Msk I. Bls. 235–237). Существует более поздняя редакция той же пряди, не связанная с королевской сагой, где главный герой наделен именем *Торстейн* (бумажные списки XVII–XVIII вв. с рукописи перв. пол. XV в.) и которая носит название «Forsteins þáttur sögufróða», «Прядь о Торстейне, знатоке саг» (см.: ИП 2016. С. 867).

Сюжет пряди таков. Ко двору норвежского конунга Харальда Сурового Правителя пришел молодой исландец и попросил покровительства. На вопрос конунга, в чем он сведущ, юноша ответил, что знает саги. Конунг оставил его с условием, что тот будет всегда рассказывать саги, кто бы его ни попросил. Так всё и было, но с приближением Рождества исландец опечалился.

На вопрос конунга, в чем дело, он ответил: «У меня осталась только одна сага, но я не решаюсь рассказывать ее здесь, потому что это сага о твоих походах за море (*útfarðar saga*)». Конунг, естественно, объявил, что это – именно та сага, которую ему больше всего хочется услышать, и не велел рассказывать ее до Рождества. Все тринадцать дней рождественских пиров юноша развлекал конунга Харальда и его дружину этой сагой, и она очень понравилась Харальду, так что тот даже заметил, что «она ничуть не хуже, чем то, о чем в ней рассказывается».

На этом месте исследователи, как правило, не задерживают своего внимания, а устремляются к следующему далее вопросу конунга и ответу юноши, позволяющему увидеть изнутри механизм передачи устной информации. На вопрос о том, кто его научил этой саге, юноша сказал, что, когда он был в Исландии, то каждое лето ездил на тинг и каждый раз заучивал часть саги у Хальдора Сноррасона (а это – дружинник конунга, который был с ним все то время, пока тот находился за пределами страны). «Тогда не удивительно, – говорит конунг, – что ты знаешь ее так хорошо». Действительно, это знаменательный фрагмент, поскольку он, как пишет Е.А. Гуревич, «содержит наиболее подробный отчет об обстоятельствах исполнения саги из всех, которые могут быть найдены в древнескандинавской литературе» (ИП 2016. С. 867–868). Мне здесь, однако, хочется выделить одно наблюдение Г.В. Глазыриной, которое характеризует ее чуткость как исследовательницы. Она обращает главное внимание не на способ передачи саги, а именно на похвалу конунга. Вот ее дальнейший комментарий:

«Похвала конунга содержит антитезу, на первый взгляд незаметную. В ней подчеркивается, что рассказанное в саге “о походах за море” норвежского правителя и событийная канва самих византийских походов, совершенных конунгом Харальдом и его дружинниками и запечатлевшихся в их памяти, не тождественны. Походы – с их суровостью и значимостью, поражениями и победами, утратами и открытиями, обиденностью и романтикой – являются для конунга той мерой, которой он взвешивает содержание саги, ведь сказитель должен понимать, о каких деяниях конунга следует рассказывать и какими словами их должно описывать. Он также должен чувствовать, что из содеянного конунгом лучше опустить в своем рассказе. Ясно, что при устной передаче происходил определенный отбор информации: какая-то часть оригинального рассказа непременно сохранялась и воспроизводилась в дальнейшем, но какая-то неизмен-

но утрачивалась. Новый, художественный материал компенсировал утраченную часть сюжета. Этот процесс, естественный при многократном повторении рассказа (в особенности, когда об одном и том же событии свидетельствуют разные носители информации), существенно влиял на интерпретацию фактов» (Глазырина 2005а. С. 136).

Благодаря этому наблюдению можно снять один трудный момент в интерпретации пряди, связанный с характером взаимоотношений конунга Харальда и его дружинника Халльдора Сноррасона. Дело в том, что отношения эти с определенного момента были далеко не безоблачными, как следует из прядей и саг: «с тех пор как Харальд стал конунгом в Норвегии, они плохо ладили» (ИП 2016. С. 370); «Халльдор был человек немногословный, резкий в речах и прямой, упрямый, непреклонный, он плохо ладил с конунгом, на службе у которого было довольно других знатных людей. Халльдор недолго оставался у конунга. Он уехал в Исландию, построил себе усадьбу на Стадном Холме и жил там до старости» (КЗ 1980. С. 424). Противоречивость ситуации заключается в том, что рассказчиком и первоисточником саги о конунге Харальде – саги, понравившейся самому конунгу, – выступает человек (Халльдор), уехавший из Норвегии в Исландию в состоянии столь сильной и затяжной ссоры с конунгом, что тот даже послал в погоню за исландцем три боевых корабля (ИП 2016. С. 369). Более того, отношение Халльдора к конунгу несколько не меняется в процессе его жизни в Исландии: когда через несколько лет конунг Харальд послал Халльдору «приглашение снова пойти служить к нему и уверял, что будет не меньше уважать его, чем раньше, если он приедет, и что ни одного человека в Норвегии без титула он не поставит выше него, если он примет приглашение», Халльдор увидел в этом приглашении лишь скрытую угрозу: «Мне его нрав известен. Я хорошо знаю, что он сдержал бы обещание: не поставил бы никого в Норвегии выше меня, если бы я к нему приехал. Потому что, если бы он только мог, он велел бы вздернуть меня на самую высокую виселицу» (Там же. С. 370). А.Я. Гуревич обратил внимание на этот момент и справедливо подчеркнул, что ожидать от Халльдора «после всего, что произошло между ним и Харальдом, сочинения саги, вполне благоприятной для этого государства, довольно трудно, даже принимая во внимание исключительную объективность, которой вообще отличаются саги» (Гуревич 1981. С. 30). Не могу не согласиться также с высказанным исследователем предположением, что Халльдор «скорее был бы склонен выпячивать собственные заслуги, нежели безоговорочно восхвалять Харальда»

(Там же. С. 29). Всё это дает А.Я. Гуревичу дополнительный аргумент, наряду с безымянностью (анонимностью) исландца-сказителя, для того, чтобы утверждать, что вся история об исландце, приехавшем к Харальду «с намерением рассказать ему его собственную сагу, якобы, составленную Халльдором Сноррассоном», является вымыслом автора Msk (Там же. С. 30). Данный вымысел, по мнению целого ряда исследователей, понадобился автору Msk для удостоверения подлинности той версии саги о походах Харальда за море, которая была изложена в этом своде саг (Heusler 1941. S. 205; Heinrichs 1975; Гуревич 1981. С. 31; Гуревич 2004. С. 251).

Трактовка Г.В. Глазыриной, с одной стороны, снимает это мнимое противоречие, поскольку она подчеркивает, что исландский сказитель отбирал материал в процессе его изложения, принимая во внимание состав своих слушателей, которыми в данной ситуации были не ничего не знающие о поездке Харальда исландцы, а сами действующие лица *útferdar saga* во главе со своим предводителем – конунгом Харальдом. С другой стороны, она проясняет и «технику» устного рассказа в плане его ориентации на каждом новом этапе рассказывания на присутствующую аудиторию.

Что касается усугубляющей сомнения ряда исследователей анонимности юноши-рассказчика³, то вполне может быть, что правы П. Мёленграхт Сёренсен и Е.А. Гуревич, проводящие различие между рассказчиком и очевидцем. Вероятно, исландцу-сказителю, в отличие от очевидца, надлежало оставаться безымянным, «подобно тому как в реальности оставались анонимными его “младшие коллеги” – авторы записанных саг, включая и самого составителя “Гнилой кожи”» (Гуревич 2004. С. 251–252). Безымянный исландец – просто носитель традиции, а обращенные к нему слова Харальда оценивают и форму рассказа, и его содержание. Рассказчик отвечает за свой рассказ, и он может быть раскритикован, если его рассказ не отвечает ожиданиям слушателя. Но рассказчик при этом анонимен, в отличие от очевидца, от которого он разучил свой рассказ. Рассказчик транслирует традицию, а очевидец отвечает за ее истинность (Meulengracht Sørensen 1993. S. 69), и потому назван должен быть именно очевидец.

Как отмечает Г.В. Глазырина в статье, посвященной устной традиции в «Саге об Олаве Трюгвасоне» монаха Олда, «большое значе-

---

³ Гуревич 1981. С. 30: «Анонимность сказителя в нашей “пряди” заставляет предположить его фиктивность».

ние Одд Сноррасон придавал свидетельствам, некогда оглашенным очевидцами событий и с тех пор так и бытовавшим в устной передаче со ссылкой на имя конкретного информанта» (Глазырина 2010. С. 69). И это – очень важное наблюдение не только применительно к «Саге об Олаве Трюгвасоне»: упоминание имени того, кто рассказал о каком-либо событии прошлого, можно рассматривать как элемент, маркирующий использование автором саги устной традиции (ср. близкое по смыслу суждение Т.М. Андерссона, что «должны были существовать традиции, привязанные к определенным ориентирам на местности, топонимам *или местным жителям*» – Andersson 2008. Р. 14⁴). Думаю, наибольшую удачу для исследователя устной традиции представляет ссылка на хорошо известного (упоминаемого в других источниках) очевидца (и о таких речь пойдет в конце этой статьи), хотя и однократно названные носители информации, скорее всего, тоже весьма ценны в силу того, что древнеисландские личные имена не были способны к «развоплощению» (Стеблин-Каменский 1969) и не могли свободно «присваиваться» называемым в сагах персонажам.

Еще несколько слов о Халльдоре Сноррасоне. Согласно «Пряди об исландце-сказителе», Халльдор – тот исландец, который рассказывал в Исландии о походах конунга за море. В Msk и более поздних сводах саг названы и другие исландцы, находившиеся в Византии вместе с Харальдом (Мар Хунрёдарсон, Ульв Оспакссон), но лишь Халльдор отмечен как рассказчик саги. Снорри Стурлусон так ссылается на него в сообщении о взятии Харальдом одного из городов на Сицилии: «Упоминают двух исландцев, которые были в походе с Харальдом. Один из них – *Халльдор, сын Снорри Годи, – он принес этот рассказ сюда в Исландию*, а другой – Ульв, сын Оспака, сына Освивра Мудрого. Оба они были людьми необычайной силы и боевого мужества и друзьями Харальда» (КЗ 1980. С. 406). Здесь не ясно, какой именно рассказ приписывает Халльдору Снорри – о взятии этого города или обо всех перипетиях путешествия Харальда на восток, – однако ясно другое: Снорри называет рассказчиком того человека, чьи истории могли дойти до него, передаваясь из поколения в поколение в его собственной семье, поскольку Халльдор, сын Снорри Годи, был предком Снорри Стурлусона.

Халльдору посвящены также две самостоятельные пряди (одна – в OTM по AM 62 и дважды во Flat, другая – в Msk и Hulda-Hrsk;

---

⁴ Курсив здесь и во всех прочих цитатах мой. – Т.Д.

см.: ИП 2016. С. 155–161, 733–736; 362–370, 856–859). Согласно первой из них, Халльдор, покинув по возвращении в Норвегию дружину Харальда в попытке защитить от гнева конунга некоего исландца по имени Эйлив, жил некоторое время у Эйнара Брюхотряса и рассказывал его жене Бергльот, дочери ярла Хакона, «множество историй, которые приключились во время их странствий с Харальдом конунгом за пределами страны» (ИП 2016. С. 156). Вероятно, не ей одной. Скорее всего, круг слушателей был много шире, о чем можно судить по реплике дальнего родственника Эйнара Брюхотряса, некоего Кали, пытавшегося высмеивать Халльдора и уверявшего, что тот ему не страшен, «особенно же после того, как мы узнали, что он был брошен в темницу в Стране Греков и лежал там недвижимый и беспомощный на хвосте у змеи» (Там же), явно издевательски намекая на сюжет из «саги о походах за море» конунга Харальда (по Msk) о том, что Харальд и его люди Халльдор Сноррасон и Ульв Окольничий были брошены византийским императором Константином Мономахом и императрицей Зоей в темницу с большой ядовитой змеей, спастись от которой им помогло чудо св. Олава (Msk I. Bls. 109–110). Херманн Паллссон заметил, что это могли быть те же истории, что позднее Халльдор стал рассказывать на Альтинге (Hermann Pálsson 1999. P. 80). Согласно второй пряди о Халльдоре, он был в *Миклагарде* (Константинополе) с конунгом Харальдом и приехал с ним в Норвегию из *Гардарики* (Руси), служил у него несколько лет, а после размолвки вернулся в Исландию и прожил там до глубокой старости. О том, что Халльдор был в Константинополе с конунгом Харальдом, знают, кроме прядей, и своды королевских саг первой трети XIII в. – Msk, Fask и Hkr. Вслед за Снорри современные исследователи также связывают распространение в Исландии устных рассказов о норвежском конунге Харальде Сигурдарсоне с именем Халльдора (de Vries 1931; Andersson 1985. P. 226; Andersson, Gade 2000. P. 58). Его единодушно называют очевидцем и даже участником многих событий этого похода (Гуревич 1981. С. 31; Meulengracht Sørensen 1993. S. 69; Hermann Pálsson 1999. P. 79) и даже первым рассказчиком саги, «тем, кто ее составил» (Гуревич 1981. С. 31).

Вместе с тем автор Msk неоднократно называет источником информации... самого конунга Харальда Сигурдарсона (см.: Джаксон 2008). И действительно, выглядит весьма правдоподобным, что, пусть не в Исландию, но уж на скандинавский Север, сагу о своих поездках за море принес сам конунг. Трудно по-

верить, чтобы с его тщеславием, энергией, выдающимся поэтическим даром⁵, Харальд не рассказывал сам о своих заморских подвигах. Среди названных в полном тексте Msk имен других устных информаторов (см.: Andersson, Gade 2000. P. 57–72), имя Харальда занимает не последнее место. В Msk обнаруживаются четыре ссылки на него как на источник информации.

Первая приходится на начало повествования о его странствиях после битвы при Стикластадире (1030 г.), где он пятнадцатилетним юношей сражался на стороне своего единоутробного брата, норвежского конунга Олава Харальдссона (1014–1028). В этой битве Олав пал, а Харальд был серьезно ранен. Рёгнвальд Брусасон вынес Харальда с поля боя и оставил на лечение в доме одного фермера. Далее Msk сообщает, что у фермера был сын, который рассказал всё, что он знал о событиях после битвы при Стикластадире. За этими словами следует подробный, от первого лица, отчет юноши о том, как двенадцать человек пришли к его отцу и принесли в дом раненого человека (он даже описывает одного из этих людей), как затем эти люди ушли, а через некоторое время отец сказал ему привести свою лошадь, подвел высокого человека в красном плаще с капюшоном, скрывающим лицо, и велел сопровождать его до тех пор, пока тот не прикажет повернуть назад, как они ехали некоторое время в северном направлении, как человек в капюшоне произнес вису и рассмеялся (вису он тоже цитирует), как встретились с теми людьми, которые привезли этого человека к ним в дом, как, обращаясь к нему, они назвали его «Харальд», как тот отбросил капюшон и показал свое лицо (мальчик его описывает), как подарил ему при расставании нож и пояс и как он затем вернулся к отцу (Msk I. Bls. 83–84). Автор Fask (Bls. 227) никаких подробностей, связанных с ранением Харальда, не сообщает, а одной фразой переправляет Харальда и Рёгнвальда Брусасона на восток к конунгу Ярицлейву. Снорри Стурлусон в Hkr (III. Bls. 68–69), напротив, упоминает о том, что Харальд лечился у одного бонда, к которому его привел Рёгнвальд, что сын

---

⁵ Харальд известен как сочинитель: из 112 скальдических строф, цитируемых в той части Msk, которая содержит сагу о нем, 18 строф принадлежат самому конунгу. Наряду с отдельными висами, которые он, согласно саге, произносил то по одному, то по другому поводу (*lausavisur*), он еще сочинил несколько строф, известных под названием «Висы радости» (*Gamanvisur*), обращенных к дочери Ярослава Мудрого Елизавете, чьей руки он просил перед отплытием в Византию. Ряд исследователей высоко оценивает качество стихов Харальда, подчеркивая, что прием введения в каждую строфу двустрочного припева изобретен именно им (см.: Olsen 1953. S. 9).

бонда проводил его на восток через горы Кьэль и что в Швеции Харальд снова повстречал ярла Рёгнвальда. Рассказ его краток, но та же виса, приписываемая Харальду, используется им в подтверждение того, что они ехали по какому-то дикому лесу. Краткая история в Hkr и пространная в Msk производят впечатление передаваемого в устной форме повествования, обрамляющего скальдическую строфу, так называемой «сопровождающей прозы», *Begleitprosa* (см.: Weyschlag 1953), – вопреки мнению К. Крага, что скальдические стихи, на которых как бы строится саговый отчет о молодых годах Харальда Су рового Правителя, существовали в традиции без сопровождающих их прозаических пояснений, каковые могли бы быть использованы авторами «больших компендиумов» (Krag 1998)⁶. Более того, как сообщает Msk (I. Bls. 84), «этот рассказ (*frásögn*) знали конунг Магнус и другие люди в Норвегии», т.е. история из уст анонимного рассказчика удостоверяется ссылкой на реального исторического персонажа и одного из героев этой саги – конунга Магнуса (1035–1046). Самое любопытное, однако, сообщается в следующей фразе, а именно: «Но отсюда начинается та история о поездках Харальда, которую рассказал сам Харальд (*er hann, Haraldr, sagði sjálf*), а также те люди, которые были вместе с ним» (Ibid.).

Вторая ссылка на Харальда как на источник информации присутствует в Msk (I. Bls. 93–94) там, где речь идет о подвигах Харальда в Африке: «Говорят, основываясь на указаниях конунга Харальда (*þat er talt eptir fyrirsögn Haralds konungs*), что он захватил восемьдесят городов. Некоторые сдались ему на милость, некоторые он разрушил или сжег, как говорит Тьодольв». Следующая далее строфа из поэмы исландского скальда первой половины XI в. Тьодольва Арнорссона подтверждает захват восьмидесяти городов. Этот фрагмент дословно заимствован из Msk в Fask (Bls. 230). Итак, мы имеем здесь и маркирующую устную традицию формулу-референцию «*þat er talt*» (о чем речь пойдет ниже), и скальдическую строфу, передававшуюся изустно, и имя того, кто распространил эту информацию, а именно конунга Харальда. В Hkr (III. Bls. 75) присутствует из всего этого лишь строфа Тьодольва.

---

⁶ Мне уже доводилось писать о том, что ни у одного из норвежских конунгов не было такого количества придворных поэтов, и ни один из конунгов не относился с таким уважением к скальдическому искусству, как Харальд Сигурдарсон. Соответственно, и объем традиционных сведений (состоящих из скальдических строф и «сопутствующей прозы») об этом правителе чрезвычайно велик (см.: Джаксон 2000).

Третью ссылку на Харальда как на источник информации Msk помещает при объяснении происхождения огромных богатств Харальда: «И это легко себе представить, поскольку он воевал в той части мира, которая была чуть ли не богаче всех остальных золотом и драгоценностями, при том что он никогда не воевал против местных жителей, потому что он сам говорит (*því at hann segir sjálfir*), что сражался в Африке с самим конунгом и победил, и завладел большей частью его государства» (Msk I. Bls. 94).

Четвертая встречается при описании похода Харальда в Палестину, где все укрепленные города и поселения сдавались на его милость: «Это подтверждает Стув, который слышал, как конунг Харальд рассказывал об этих событиях (*er heyrtr hafði Harald konung frá segja þessum tíðendum*),» – говорится в саге (Msk I. Bls. 107; см. то же: Fask. Bls. 233, Hkr III. Bls. 83). Последняя фраза примечательна вдвойне: с одной стороны, Харальд представлен как рассказчик саги о себе самом, но с другой стороны, здесь назван и очевидец/свидетель этого акта рассказывания, Стув Слепой, исландский скальд XI в. (родился ок. 1025 г.). Из «Пряди о Стуве» и «Перечня скальдов» (сочиненного в конце XII – начале XIII в.) известно, что он был дружинником конунга Харальда Сигурдарсона (см.: Гуревич, Матюшина 2000. С. 245–246). Согласно пространной версии «Пряди о Стуве», скальд создал песнь в честь конунга Харальда под названием «Драпа Стува» и произнес ее, когда посетил конунга в Тронхейме. Однако, по краткой версии, «Драпой Стува» именовалась поминальная песнь, которая, вероятно, была сочинена ок. 1067 г. К.Э. Гаде принимает версию краткой редакции пряди на том основании, что ни одна из восьми сохранившихся строф не содержит обращения к Харальду в настоящем времени, а в 8-й строфе к тому же рассказывается о битве Харальда при Стэмфорд Бридже (SPSMA 2009. P. 350–358). Ни в одной из известных нам строф нет упоминания о том, что скальд что-либо знает со слов конунга, так что за сообщением Msk, вероятнее всего, стоит сопровождавшая драпу Стува устная традиция.

В связи со скальдами конунга Харальда, обратим внимание на одно рассуждение авторов сводов королевских саг о достоверности приводимой ими информации о своем покровителе. Рассказывая об ослеплении византийского императора (Михаила Калафата) отрядом вэрингов, в котором участвовал и Харальд, и ссылаясь при этом на две скальдические строфы, Торарина Скеггъясона и Тьодольва Арнорссона (SPSMA 2009. P. 294–295, 118–119), автор

Msk далее замечает следующее: «В этих двух драпах о Харальде и во многих других песнях о нем говорится об этом подвиге, и нельзя отрицать того, что он ослепил самого конунга греков. С равным успехом мог бы быть назван при этом любой граф или герцог, если бы думали, что это более правильно, но во всех поэмах о конунге Харальде говорится одно и то же» (Msk I. Bls. 113). Текст дословно воспроизводится в Fask (Bls. 236), а вот в Hkr слова «но во всех поэмах о конунге Харальде говорится одно и то же» (и поэтому те, кто рассказывают, не могут рассказывать иначе) Snorri заменяет на выражение, тождественное по смыслу, но расходящееся лексически с разобранный выше первой отсылкой к Харальду как к источнику информации в Msk (см. выше): «потому что Харальд сам рассказывал эту историю и те другие люди, которые были там вместе с ним» (Hkr III. Bls. 87).

Завершая разговор о конунге Харальде как информанте рассказчиков саги о нем самом, процитируем в качестве итоговой изящную и емкую формулировку из предисловия Т.М. Андерссона и К.Э. Гаде к переводу Msk: «Традиция о Харальде, как кажется, расцвела более пышно, чем о других правителях, и мы можем подозревать, что Харальд приложил к этому руку. Он мог быть главным покровителем своей собственной легенды и мог подпитывать информацией всё повествование» (Andersson, Gade 2000. P. 59).

Во второй рассмотренной выше ссылке на Харальда как на источник информации используется дополнительный маркер принадлежности этого рассказа к устной традиции – формула «*þat er talð*» («говорят, так говорится»). Как выявила Г.В. Глазырина, некоторая часть сообщений, за которыми стоит устная традиция, «не имеет ссылок на персонифицированный источник и вводится в текст формулой-референцией “*svá er sagt*”» (Глазырина 2011. С. 107). У этой формулы есть множество разновидностей. Так, приведенные выше в этой статье слова Snorri Стурлусона о том, что «упоминают» двух исландцев, которые были в походе с Харальдом, содержат один из вариантов этой безличной формулы-референции: «... *egu nefndið*» (Hkr III. Bls. 79). Задачу полной выборки всех многочисленных формул-референций в «Care о Магнусе Добром и о Харальде Суровом Правителе» по Msk оставим на будущее, а сейчас ограничимся лишь несколькими случаями. Скажем, в Msk, все в той же *útfærðar saga*, встречаются обороты «*þat er sögn manna*» (Msk I. Bls. 105), «*menn mæla þat*» (Ibid. Bls. 106) и «*þat segja menn*» (Ibid. Bls. 106, 109) – все со значением «так говорят люди». Первый используется в уже упо-

мянутом рассказе о взятии одного из городов на Сицилии. Необходимо отметить, что в Msk (Ibid. Bls. 96–106) и Hkr (III. Bls. 76–81) эти истории не тождественны (вплоть до того, что более краткий текст Hkr вмещает в себя рассказ о взятии четырех, а не трех, как в Msk, городов), но в них имеются общие детали, вроде той, что Халльдор был сильно ранен в лицо и сказал нелестные слова запаздывавшему с подмогой конунгу Харальду (правда, случилось это, согласно двум сводам саг, при осаде двух различных городов, с применением разных военных хитростей – Msk I. Bls. 105; Hkr III. Bls. 80). Сигфус Блэндаль отдает предпочтение версии Снорри, поскольку в ней рассказ о ранении Халльдора и стычке дружинника со своим конунгом помещен не в бродячий сюжет («itinerant folktale») типа истории с троянским конем, как в Msk, а в описание «варяжских игр», каковая история могла бы быть семейной легендой в роду Снорри, а потому и достоверной информацией (Sigfús Blöndal 1978. P. 72).

Другие два примера связаны с тем, как людям запомнилось отношение к Харальду византийской императрицы Зоэ, на службе у которой он находился в Константинополе. В первом случае в одном кратком абзаце соседствуют две не совпадающие лексически, но сходные по смыслу ссылки на устную традицию: они относятся реально к одному и тому же событию – клевете Зоэ на Харальда, но формально каждая заключена в отдельной фразе: «Так говорят люди (*þat segja menn*), что императрица Зоэ тоже (как и военачальник Гюргир. – Т.Д.) старалась оклеветать Харальда перед конунгом и говорила, что он заигрывал с Марией, дочерью ее сестры... Но люди говорят (*menn mæla þat*), что сама она, императрица, хотела заполучить Харальда» (Msk I. Bls. 106). Любопытно, что в похожем рассказе в Fask (Bls. 234) Мария названа не *systur*-, а *sonardóttir*, т.е. не племянницей (дочерью сестры), а внучкой (дочерью сына), впрочем нам не дано знать, чья ошибка стоит за этим расхождением – рассказчика или писца. Второй случай еще интереснее, поскольку он содержит двойную отсылку в пределах одной фразы: «Так говорят люди (*þat segja menn*), те которые были в Миклагарде, что, как вэринги помнят эту историю (*Væringja minni/minnask svá frásagnar*), Зоэ сама хотела заполучить его/Харальда» (Msk I. Bls. 109; и практически дословно в Fask. Bls. 234). Итак, с одной стороны, «люди, которые были в Миклагарде», с другой – «вэринги». Вторые входят в число первых, а первых несравненно больше: это могли быть, кроме наемной гвардии императора («вэрингов»), также торговые люди, путеше-

ственники, паломники. Почему, то́, что запомнили взринги, рассказывали другие путешественники в Константинополь, не совсем понятно, и видимо поэтому Снорри Стурлусон переформулировал это сообщение, придав ему логичность и бо́льшую весомость ссылкой на *fróðir menn*: «Так говорили здесь на севере взринги, те что были на службе в Миклагарде (*Svá hafa sagt Væringjar norðr hingat, þeir er verit hafa í Miklagarði*), что так рассказывали знающие люди (*at sú sagn væri þar höfð af fróðum mönnum*), будто Зоэ, конунгова жена, сама хотела выйти замуж за Харальда» (Hkr III. Bls. 85). Для нас здесь важен безусловный факт ссылки на устную традицию и ее безымянных носителей.

Как пишет Г.В. Глазырина, «наряду с использованием формул, на устное происхождение отдельных рассказов могут также указывать ссылки на существование информации, не отразившейся или не полностью переданной в данном тексте» (Глазырина 2010. С. 70). Такого рода ссылка на отсутствие информации имеется и в *útfærðar saga* конунга Харальда. Как рассказывается в Msk, наговоры на Харальда привели к тому, что император, как уже упоминалось выше, велел бросить его вместе с Халльдором Сноррасоном и Ульвом Окольниковым в темницу с большой ядовитой змеей, которая в тот момент спала, но это не могло продолжаться долго. На вопрос Халльдора, как им лучше поступить, Харальд ответил, что им стоит прибегнуть к помощи его брата, св. Олава. «И когда они принесли свою клятву, хотя здесь и не говорится, в чем они клялись (*þó at hér sé eigi sagt hverju þeir hétu*), Харальд предложил им подготовиться к столкновению со змеей» (Msk I. Bls. 110). Не без помощи св. Олава, как утверждает сага, змея была побеждена. На следующую ночь им помогла выбраться из темницы одна вдова, которой накануне явился с просьбой помочь им св. Олав. Эту вторую часть их приключений знают также и Fask и Hkr. А вот история со змеей, в которой не дорассказано, что за клятву давал Харальд, тоже, вероятно, была в устном хождении, поскольку о ней знал в Норвегии родич Эйнара Брюхотряса из «Первой пряди о Халльдоре Сноррасоне» (о чем речь шла выше).

Не только в «саге о походах за море» конунга Харальда обнаруживаются следы устной традиции. Ниже мы остановимся на одном сюжете, связанном с возвращением Харальда из дальних странствий на родину.

Харальд провел примерно десять лет (ок. 1034–1043 гг.) на службе у византийского императора, и его *útfærðar saga* закончи-

лась тем, что, скопив богатство, какого никто в северных странах не видел во владении одного человека, он провел примерно год на Руси и вернулся в Норвегию с молодой женой Елизаветой Ярославной и грузом золота. Как говорит исландский скальд Стув Слепой (ок. 1067 г.): «Он взял много золота и дочь конунга» (SPSMA 2009. P. 354). В 1046 г. норвежский конунг Магнус Добрый, сын Олава Святого, передал в управление своему родичу Харальду Сигурдарсону половину Норвегии, получив в ответ половину несметного богатства, накопленного Харальдом за годы странствий. В описании этих последних событий тоже очевидны следы устной традиции, на которых остановимся подробнее.

Согласно Msk, по возвращении из Византии и Руси Харальд встретился в Дании с конунгом Магнусом Добрым и заявил свои претензии на Норвегию: он поинтересовался, как Магнус собирается разделить власть между ними двумя. Правящий конунг ответил, что он послушает совета своих людей, и призвал их на эту встречу. Эйнар Брюхотряс сообщил Харальду общее мнение, а именно, что пока тот был вдали от родины, *они* отвоевали страну у Кнута и его сыновей, что лендрманны привыкли служить *одному* конунгу и будут служить только Магнусу, покуда тот жив и правит страной. Униженный таким ответом, Харальд заключил союз с датским ярлом Свеном Эстридсеном, претендовавшим на Данию, но после серии совместных грабежей на Зеландии и Фюне они расстались: Харальд получил от Магнуса секретное письмо с предложением возобновить переговоры, хитростью разорвал союз со Свеном и поплыл из Дании в Норвегию. Он отправился в свои родовые поместья в Уплёнде, требуя от бондов, чтобы те называли его конунгом. Однако при живом конунге Магнусе никто не осмеливался так его величать. «Тогда пришел Харальд на север в Гудбрандсдалир и собрал там тинг, и просил называть его конунгом. Там оказался один человек из бондов, который это сделал, и был это Торир из Стейга, который позднее стал большим хёвдингом, а тогда Ториру было пятнадцать лет, когда он дал Харальду имя конунга. А Харальд подарил ему чашу из кленового дерева, и была она опоясана серебром, и с ручкой из позолоченного серебра. Сама же чаша была полна чистого серебра. Он также дал ему два золотых обручья, которые вместе весили марку, и свой плащ; и был он темно-пурпурный. И вместе с этим он обещал ему большие почести, если придет к власти в стране» (Msk I. Bls. 125; то же: Fask. Bls. 52). Здесь нет ссылки на источник информации, но сам рассказ содержит имя того человека,

который первым назвал Харальда конунгом и которому Харальд сделал выдающиеся подарки. К нему мы вернемся ниже.

Харальд продолжил ездить со своей дружиной по Уплёнду и завоевывать себе имя конунга. По рекомендации друзей и советников они с Магнусом объявили перемирие и встретились, дабы достичь соглашения. Был организован роскошный пир в местечке под названием Скьяльдаракр. Конунг Магнус должен был быть хозяином в течение первых трех дней и принимать Харальда с шестью десятками людей. К вечеру первого дня Магнус одарил всех людей Харальда: мечами, щитами, другим оружием, золотом и одеждой. Чем знатнее был человек, тем весомее был подарок. После этого Магнус протянул Харальду два побега тростника со словами: «Харальд, родич, который из них хотел бы ты получить от нас в дар?». Выбрав один, а именно тот, что был к нему ближе, Харальд – как это тут же озвучил Магнус – получил вместе с ним «половину Норвежской державы со всеми налогами и поборами и со всей собственностью» (Msk I. Bls. 126).

Как видим, раздел Норвегии представлен в Msk как дарение на пиру (подробнее см.: Джаксон 2013). Дар являлся этикетным элементом пира, который был «важнейшим институтом социального общения и сплочения» (Гуревич 2003. С. 132). Хозяин должен был одарить всех гостей (и особенно знатных), присутствовавших на торжестве. Анализируя в нашей совместной с Г.В. Глазыриной работе сюжетно-семантические особенности употребления мотива дарения⁷ в сагах, мы заметили, что наиболее регулярно этот мотив встречается в контексте завязывающихся отношений и/или поддерживаемой дружбы. Перед нами ситуация, в которой правящий конунг Магнус, напуганный союзом Харальда и Свена, сначала прилагает усилия, чтобы этот союз разрушить, а затем стремится защитить свою власть от притязаний Харальда: «и хочет конунг Магнус защитить прежде всего ту землю, которая является его родовой собственностью» (Msk I. Bls. 125). В то же время дарение со стороны Магнуса, оставшееся на данной точке рассказа без ответного дара, есть на самом деле ожидание отдарка (мотив ответного дара отмечен в кн.: Voberg 1966. P. 220, Q114.2). И действительно, по прошествии трех

---

⁷ Мы трактовали понятие «мотив» в традиции А.Н. Веселовского, который писал: «Под *мотивом* я разумею формулу, отвечающую на первых порах обществу на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закрепляющую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности» (Веселовский 1989: 301). См. анализ этой и других концепций в кн.: Силантьев 2004.

дней последовал ответный пир, устроенный на этот раз Харальдом. Его гостями были Магнус и шесть десятков его мужей, каждый из которых получил от Харальда ценные подарки. Когда без подарка остался только Магнус, Харальд велел принести в зал все то золото, которое он привез из своей поездки, и обратился к Магнусу с такими словами: «Вчера Вы передали нам большое государство, которое Вы раньше с честью отобрали у Ваших и наших врагов, и дали нам в совместное с Вами владение, и было это хорошо сделано, поскольку этому было [Вами] отдано немало сил. Теперь посмотрим с другой стороны. Мы были за пределами страны и тоже подвергались опасностям, прежде чем мы собрали это золото, и сейчас мы разделим его всё на две части, и будете теперь Вы, родич, владеть половиной нашего золота, так как Вы захотели, чтобы мы владели половиной земли вместе с Вами» (Msk I. Bls. 127).

Итак, на ответном пиру произошло вручение ответного дара и *как бы* закрепление дружественных отношений, однако сага незамедлительно дает понять, что всё это *не привело* к большой дружбе и любви между двумя правителями. Весьма показательна описанная далее сцена: «Затем внесли слиток золота величиной с человеческую голову»⁸. Харальд взял его в руки и спросил у Магнуса: «Родич, где то золото, которое ты мог бы поставить против этого слитка?». Магнус сказал, что всё золото и серебро было израсходовано во время многочисленных военных действий и что всего золота осталось только одно обручье. В ответ Харальд произнес – с явной издевкой – следующие слова: «Немного золота, родич, – говорит он – для конунга, который правит двумя державами, и очень вероятно, что некоторые люди усомнятся, тебе принадлежит это обручье или нет». Но когда Магнус сообщил, что обручьем он владеет по праву, ибо его дал ему при расставании его отец Олав Святой, Харальд вновь не сдержал эмоций и прокомментировал этот ответ далеко не в дружественной манере: «Это правда, господин. Конунг Олав действительно дал тебе обручье, но это же самое обручье он забрал у моего отца, имея для этого мало оснований, и несладко жилось мелким конунгам в этой стране, когда отец твой был настолько могуществен». На этом их разговор закончился (Msk I. Bls. 127–128).

⁸ Огромный слиток золота явно принадлежит устной традиции: в схолии к тексту Адама Бременского говорится о «слитке золота, привезенном Харальдом из Греции», вес которого был таков, «что его едва [могли] поднять на плечи двенадцать юношей», и что после гибели Харальда слиток перешел к Вильгельму Незаконрожденному (Адам III, 52, Schol. 83. С. 403).

Дальше в саге не один раз идет речь о стычках между двумя конунгами и о том, как трудно было им соблюдать сдержанность. Так, в одном месте чуть ниже автор Msk замечает: «Оба конунга сейчас находятся в стране, и много между ними разногласий, как часто можно услышать, когда про них говорится (*má heyra er frá þeim er sagt*)» (I. Bls. 137). Явная ссылка на устную традицию.

Весь рассказ о разделе Норвегии завершается ссылкой на источник информации, точнее на устного информанта: «Так говорит Торгильс, мудрый человек, и сказал он, что ему [эту историю] рассказала Гудрид, дочь Гутхорма, сына Стейгар-Торира, и [еще он сказал, что] ему довелось видеть ту кленовую чашу и тот плащ, которые конунг Харальд дал Ториру, и был плащ тогда разрезан [и превращен] в алтарный покров» (Msk I. Bls. 128).

Для автора Msk информантом выступает некий мудрый человек (*vitr maðr*) по имени Торгильс. Практически дословный рассказ об обмене дарами на двух пирах (половина державы на половину золота) в Fask (Bls. 243–245) завершается ссылкой на тех же информантов, с тем лишь отличием, что здесь Торгильс назван Сноррасоном (это же имя приводит и Снорри в своем несколько иначе выстроенном рассказе в Hkr III. Bls. 101). Считается (см., например: Msk I. Bls. 128, nmgr. 3), что это – исландец Торгильс Сноррасон, священник в Скарди на западе Исландии, умерший в 1201 г.

Очевидцем описываемых событий мог быть уже названный нами выше Торир из Стейга, или Стейгар-Торир Тордарсон, которому в 1046 г., по свидетельству Msk и Fask, было 15 лет. Т.М. Андерссон и К.Э. Гаде отмечают, что о нем существовала богатая устная традиция, и его возраст тоже мог быть отмечен в какой-нибудь строфе, посвященной приходу Харальда Сигурдарсона к власти в Норвегии (Andersson, Gade 2000. P. 74). Он пару раз фигурирует в Msk в историях, которых нет в других сводах (Msk I. Bls. 211–214, 303), что дает основание думать, будто автор Msk был знаком с какой-то особой традицией о Стейгар-Торире (Andersson, Gade 2000. P. 445, n. 5). Со временем Торир стал воспитателем внука Харальда Сигурдасона – Хакона Магнуссона (Fask. Bls. 290; Hkr III. Bls. 201), который даже прозывался Хакон Воспитанник Торира (1093–1094). Снорри приводит сочиненную сторонниками Хакона (в его борьбе за власть со своим двоюродным братом Магнусом Олавссоном Голоногим, 1093–1103) вису, в которой фигурирует и Стейгар-Торир (Hkr III. Bls. 210). После смерти своего воспитанника Хакона Торир с соратниками набрали войско против правящего конунга Магнуса. Скальд

Торкель Хамарскальд говорит в драпе о Магнусе, что этот поступок Торира был пагубен для многих его друзей (Fask. Bls. 303; Hkr III. Bls. 214); злодеяния Торира на о. Бьяркей описываются в анонимной виле, сохранившейся во всех трех сводах королевских саг (Msk II. Bls. 26; Fask. Bls. 305; Hkr III. Bls. 215). Он был повешен конунгом Магнусом Голоногим в 1095 г. (K3 470). Тем самым, годы жизни очевидца раздела Норвегии можно определить как 1031–1095 гг.

Интересующую нас историю он, вне всякого сомнения, должен был поведать своему сыну Гутхорму, тестю конунга Эйстейна Магнуссона (1103–1122): согласно Hkr (III. Bls. 256), Эйстейн был женат на Ингибьёрг, дочери Гутхорма, сына Стейгар-Торира. (В Msk II. Bls. 102 ошибочно Ингибьёрг названа дочерью, а не внучкой, Стейгар-Торира, но по соображениям хронологии это невозможно; да и при повторном упоминании Ингибьёрг в тексте Msk ошибки уже нет – II. Bls. 137).

Гутхорм, естественно, мог передать эту историю своим детям, и в частности другой своей дочери – Гудрид, которая могла прожить до второй половины XII в. и могла рассказать Торгильсу (и многим другим) об этих событиях (см.: Andersson, Gade 2000. P. 60). Нам не дано знать, что связывало знатную норвежку Гудрид Гутхормсдоттир и исландского священника Торгильса Сноррасона, но перед нами раскрывается механизм передачи в Исландию устной традиции, связанной с норвежским королевским домом.

Объем этой статьи не позволяет в полной мере исчерпать проблему устной традиции в «Саге о Харальде Суровом Правителе», так что впереди меня ждет захватывающая исследовательская работа, интересом к которой я обязана в первую очередь Г.В. Глазыриной.

ЛИТЕРАТУРА

- Адам – Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий.* М., 2012.
- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
- Глазырина Г.В.* Сказитель в Исландии // ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003а. С. 66–70.
- Глазырина Г.В.* Трансформация исторических свидетельств в устной традиции и при записи текста (на материале древнеисландской «Саги об Ингваре Путешественнике») // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003б. С. 28–47.

- Глазырина Г.В. Несколько замечаний к пряди «Об исландце-сказителе» // Ad fontem. У источника. Сб. статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005а. С. 133–137.
- Глазырина Г.В. Сказительство в Исландии: от современности к средневековью // ВЕДС. XVII: Проблемы источниковедения. М., 2005б. Ч. I. С. 60–63.
- Глазырина Г.В. Следы устной традиции о Ярославе Мудром в ранней письменности Скандинавии (до 1200 года) // ДГ. 2005 г.: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 103–131.
- Глазырина Г.В. Оценка события и позиция автора (Формула «*sumir... sumir...*» в древнеисландских сагах) // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 77–82.
- Глазырина Г.В. Обращение к устной традиции в «Саге об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда // ВЕДС. XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 66–71.
- Глазырина Г.В. Формула *svá er sagt* в «Книге об исландцах» Ари Мудрого // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 101–114.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Дар дружбы // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. Сб. ст. к 60-летию С.В. Белецкого. С. 247–254.
- Гуревич А.Я. Сага и истина // Труды по знаковым системам. Т. 13: «Семиотика культуры». Тарту, 1981. С. 22–34.
- Гуревич А.Я. Дары. Обмен дарами // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 129–134.
- Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла. М., 2004.
- Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
- Джаксон Т.Н. *Var þat svá mikit fé, at engi maðr norðr í lönd hafði sét í eins tapns eigu*: О природе исторической памяти в исландских королевских сагах // ВЕДС. XII: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 149–154.
- Джаксон Т.Н. Путь саги // ВЕДС. XX: Восточная Европа в древности и средневековье: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2008. С. 56–62.
- Джаксон Т.Н. Последний великий викинг на норвежском престоле // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. М., 2011. С. 349–365.
- Джаксон Т.Н. О золоте, власти, пирах и дарах в средневековой Норвегии // ВЕДС. XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 82–88.
- ИП – Исландские пряди / Изд. подг. Е.А. Гуревич. М., 2016.
- КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Силантьев А.В. Поэтика мотива. М., 2004.

- Стеблин-Каменский М.И.* Древнеисландская топонимика как материал к истории имени собственного // Скандинавский сборник. Таллин, 1969. Вып. XIV. С. 99–104.
- Andersson Th.M.* Kings' Sagas (*Konungasögur*) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. C.J. Clover and J. Lindow (Islandica. XLV). Ithaca, London, 1985.
- Andersson Th.M.* The Unity of *Morkinskinna* // Sagas and the Norwegian Experience. 10th International Saga Conference. Preprints. Trondheim, 1997. P. 1–10.
- Andersson Th.M.* Five Saga Books for a New Century: A Review Essay // JEGPh. 2004. Vol. 103. P. 505–527.
- Andersson Th.M.* The Growth of the Medieval Icelandic Sagas (1180–1280). Ithaca; L., 2006.
- Andersson Th.M.* From Tradition to Literature in the Sagas // Oral Art Forms and their Passage into Writing / Ed. by E. Mundal and J. Wellendorf. Copenhagen, 2008. P. 7–17.
- Andersson Th.M.* The Partisan Muse in the Early Icelandic Sagas (1200–1250). Ithaca, N.Y., 2012.
- Andersson Th.M., Gade K.E.* Introduction // *Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle Of the Norwegian Kings (1030–1157)* / Translated with Introduction and Notes by Th.M. Andersson and K.E. Gade (Islandica. LI). Ithaca, L., 2000. P. 1–83.
- Beyschlag S.* Möglichkeiten mündlicher Überlieferung in der Königssaga // Arkiv för nordisk filologi. 1953. B. 68. S. 109–139.
- Boberg M.I.* Motif-Index of Early Icelandic Literature. Copenhagen, 1966 (Bibliotheca Arnarnæana. Vol. XXVII).
- Danielsson T.* Sagorna om Norges kungar. Från Magnús góði till Magnús Erlingsson. Hedemora, 2002.
- Fask — Fagskinna. Noregs konunga tal / Bjarni Einarsson (ÍF. 1984. B. XXIX. Bls. 55–364).
- Gíslí Sigurðsson.* Túlkun íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar. Tilgáta um aðferð. Reykjavík, 2002.
- Gíslí Sigurðsson.* The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition: A Discourse on Method / Tr. by N. Jones. Cambridge, MA, 2004 (Publications of The Milman Parry Collection of Oral Literature. 2).
- Gíslí Sigurðsson.* Orality and Literacy in the Sagas of Icelanders // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / R. McTurk. Oxford, 2005. P. 285–301.
- Heinrichs H.M.* Die Geschichte vom sagakundigen Isländer (Íslending þáttur sögufróða): Ein Beitrag zu Sagaforschung // Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie. Festschrift für Wilhelm Emrich / Ed. H. Arntzen et al. Berlin, 1975. S. 225–231.
- Hermann Pálsson.* Oral tradition and saga writing. Wien, 1999.

- Heusler A.* Die altgermanische Dichtung. Potsdam, 1941.
- Hkr III — *Snorri Sturluson.* Heimskringla III / Bjarni Aðalbjarnarson (ÍF. 1951. B. XXVIII).
- Indrebø G.* Nokre merknader til den norrøne kongesoga // Arkiv för nordisk filologi. 1938–1939. B. 54. S. 58–79.
- Krag C.* Harald hardrådes ungdomsår og kongesagaene: Forholdet mellom saga-prosa, skaldekvad og muntlig tradisjon // Collegium Medievale: Interdisciplinary Journal of Medieval Research. 1998. Vol. 11. P. 9–31.
- Meulengracht Sørensen P.* Fortælling og ære. Studier i islændingesagaerne. Oslo, 1993.
- MsK — Morkinskinna. I–II / Ármann Jakobsson, Þórður Ingi Guðjónsson (ÍF. 2011. B. XXIII).
- Mundal E.* How Did the Arrival of Writing Influence Old Norse Oral Culture // Along the Oral-Written Continuum. Types of Texts, Relations and Their Implications / Ed. by S. Rankovic, with L. Melve and E. Mundal. Turnhout, 2008. P. 163–181.
- Olsen M.* En skjemtehistorie av Harald Hardrade // Maal og minne. Norske studier. 1953. S. 1–22.
- SPSMA — Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. II: Poetry from the Kings' Sagas / K.E. Gade. Turnhout, 2009. Part 1.
- Sigfús Blöndal.* The Varangians of Byzantium. An aspect of Byzantine military history / Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge, 1978.
- de Vries J.* Normannisches Lehngut in den isländischen Königssagas // Arkiv för nordisk filologi. 1931. B. 47. S. 51–79.

Tatjana N. Jackson

ORAL TRADITION IN *HARALDS SAGA HARÐRÁÐA*

The article analyzes *Haralds saga harðráða* from the point of view of its connection with oral tradition. In accordance with the studied by Galina Glazyrina formal indicators of oral tradition in the sagas, the author investigates here the referential formulas of the type “svá er sagt”, and a large number of references to the poems composed by the skalds in the service of King Haraldr, as well as to oral informants. Among the informants one finds Halldórr Snorrason, the King’s friend and bodyguard, who was with him all the time while he was outside his country, and who later told the saga of Haraldr at the Thing assemblies in Iceland; Þorgils Snorrason, a priest in Skarð in the west of Iceland (died in 1201); Guðríðr, the daughter of Guthormr, the son of Steigar-Þórir, that very bond who was the first to give Haraldr the king’s name in Norway (died in 1095). King Haraldr himself is not the last among the informants in

Morkinskinna: there are four references to him as a source of information. One might be sure that, if not to Iceland, but to the Scandinavian North the saga of his travels beyond the seas was brought by the King himself. The traditions about Haraldr seem to have blossomed more richly than about other rulers, and we may suspect that Haraldr had had a hand in this. He could have been the main patron of his own legend and could have supplied the narrative with information. The article formulates the reasons why there was a rich tradition concerning this Norwegian king in Iceland, why he was so popular among the Icelandic skalds, and partly reveals the mechanism of transfer to Iceland of oral tradition connected with the Norwegian royal house.

Key words: oral tradition, Icelandic sagas, Haraldr harðráða Sigurðarson.